

Ф.Д. ДЖЕЙМС

Ф.Д. ДЖЕЙМС

УБИЙСТВО
В ТЕОЛОГИЧЕСКОМ
КОЛЛЕДЖЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Серия «Ф. Д. Джеймс с/с»

P.D. James

DEATH IN HOLY ORDERS

Перевод с английского *Е. Абаевой*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Greene and Heaton Ltd. и Andrew Nurnberg.

Джеймс, Филлис Дороти.

Д40 Убийство в теологическом колледже : [роман] /
Ф. Д. Джеймс ; [перевод с английского Е. Абаевой]. —
Москва : Издательство АСТ, 2024. — 512 с. —
(Ф. Д. Джеймс с/с).

ISBN 978-5-17-168959-9

На пустынном морском берегу найдено тело студента теологического колледжа Святого Ансельма. Богатый отец настаивает на тщательном расследовании обстоятельств его гибели. Командер Адам Дэлглиш, приступивший к этому делу, узнает о новых трагедиях. Жестоко убили архидьякона, который намеревался закрыть колледж, сбросили с лестницы сестру священника.

Но каковы мотивы преступника, творящего зло в стенах одного из самых уважаемых учебных заведений Англии?

Вскоре Дэлглиш понимает: и преподавателям, и студентам есть что скрывать...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© P.D. James, 2001

Школа перевода В. Баканова, 2024

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-168959-9

*Розмари Гоуд, редактору и другу,
который со мной уже сорок лет.*

Книга первая

ГИБЕЛЬНЫЙ ПЕСОК

1

Идея была не моя. Это отец Мартин предложил написать рассказ о том, как я нашла труп.

— Будто я сообщаю об этом в письме другу? — уточнила я.

— Опишите все, — ответил отец Мартин, — как в романе, но словно вы — сторонний наблюдатель. Вспомните, что делали, что почувствовали, но как если бы это случилось с кем-то другим.

Я поняла, что он имел в виду, но не знала, с чего начать.

— Все, что случилось, отец, — спросила я, — или только ту прогулку по пляжу, когда обнаружилось тело Рональда?

— Все, что вы захотите. Напишите про колледж, про вашу жизнь. Это должно помочь.

— А вам помогло?

Не знаю, почему я произнесла эти слова вслух. Они пришли мне в голову, и я не смогла сдержаться. Получилось глупо, к тому же дерзко, но он не обиделся.

Немного помедлив, отец Мартин ответил:

— Нет, не помогло, но это было много лет назад. Думаю, у вас может сложиться иначе.

Он, наверное, вспоминал войну, как попал в плен к японцам, все те ужасы, что творились в лагере. Отец Мартин про это никогда не рассказывает, но и не обязан говорить об этом со мной. Хотя, по-моему, он не обсуждает это ни с кем, даже с другими священниками.

Разговор произошел два дня назад, когда после вечерни мы вдвоем прогуливались по галереям. С тех пор как погиб Чарли, литургии я больше не посещаю, однако на вечернюю хожу. Если честно, я делаю это из вежливости. Нельзя работать в колледже, получать от священников деньги, пользоваться их добротой, а службы игнорировать. Возможно, я слишком щепетильна.

Вот мистер Грегори, например, как и я, живет в одном из коттеджей — он преподает греческий на полставки, — но в церковь не ходит, разве только послушать музыку. Никто меня ни к чему не принуждал, даже не спросили, почему я перестала появляться на литургиях. Но, конечно, заметили. Здесь всё замечают.

Уже дома, обдумав слова отца Мартина, я решила, что это неплохая идея. Писать я всегда умела. Еще в школе мне удавались сочинения, и мисс Эллисон, которая преподавала английский, считала, что у меня есть талант писателя. Но я знала: она ошибается. У меня нет воображения, во всяком случае, не то, которое нужно, чтобы сочинять романы. Не получается выдумывать. Я умею писать лишь о том, что вижу, делаю и о чем знаю. Иногда о том, что чувствую, хотя это уже сложнее.

В любом случае я с самого детства хотела стать медсестрой. Сейчас мне шестьдесят четыре, я на пенсии, но пока в строю. Здесь, в колледже Святого Ансельма, я почти сестра-хозяйка — лечу неопасные болезни, а также отвечаю за белье. Работа несложная, но у меня слабое сердце, и мне повезло, что она вообще есть. Руководство колледжа, как может, облегчает мое положение. Даже предоставили тележку, чтобы я не та-

скала тяжелые тюки с бельем. Мне нужно было рассказать все это в самом начале.

Я не написала свое имя. Меня зовут Манро. Маргарет Манро.

Кажется, я знаю, почему отец Мартин решил, что мне будет полезно опять взяться за перо. Он знает, что каждую неделю я писала Чарли длинные письма. Наверное, он единственный, кроме Руби Пилбим, кто об этом знает. Каждую неделю я садилась и вспоминала все мельчайшие, неинтересные детали, интересные, впрочем, для Чарли: что я ела, какие шутки слышала; истории про студентов, описания погоды. Сложно представить, что в столь уединенном месте, на краю земли происходит хоть что-нибудь — удивительно, как я находила темы для своих посланий. Но Чарли любил мои письма.

— Мам, ты мне пиши, не забывай, — говорил он, когда приезжал домой в отпуск.

И я писала.

Когда Чарли убили, из армии прислали его вещи, среди которых оказалась и связка писем. Конечно, я писала большие, но он не мог хранить их все и оставил самые длинные. Я отнесла их на мыс и сожгла. Было ветрено, что не редкость для восточного побережья; пламя ревело, трещало и металось вместе с ветром. Обуглившиеся кусочки бумаги, поднимаясь, кружились возле меня словно черные мотыльки, а дым забивал нос. Странно, ведь конверт получился совсем небольшой.

В общем, я знаю, почему отец Мартин предложил мне написать рассказ. Он решил, что, если я напишу хоть что-то, это вернет меня к жизни. Он хороший человек, возможно, даже святой, но слишком многого не понимает.

Я пишу, не представляя, кто будет читать эти строки и вообще увидит ли их хоть кто-нибудь. Даже не уверена, пишу ли я для себя или для воображаемого читателя, для которого все, связанное со Святым Ансельмом,

будет ново и в диковинку. Наверное, надо рассказать что-нибудь про колледж, описать место действия и участников.

Колледж основала в 1861 году одна набожная леди — мисс Агнес Арбетнот. Ей хотелось, чтобы и впредь у нас появлялись «благочестивые молодые люди с хорошим образованием, посвященные в католический духовный сан в лоне англиканской церкви». Я оставила кавычки, потому что это ее слова. В церкви есть про нее брошюра, откуда я все это и узнала. Мисс Арбетнот передала здания, землю, почти всю свою мебель и достаточно денег — как сама считала, — чтобы колледж работал вечно. Но денег всегда не хватает, и теперь колледжу Святого Ансельма приходится полагаться на финансирование от церкви Англии. Отец Себастьян и отец Мартин боятся, что церковь прикроет колледж. Это опасение никогда не обсуждается открыто, и уж, конечно, не с персоналом, хотя все в курсе. В таком небольшом и изолированном мире, как Святой Ансельм, новости и слухи распространяются без слов, по ветру.

Мисс Арбетнот не только отдала колледжу дом, но и соорудила северную и южную галереи, чтобы разместить в них комнаты для студентов, а также ряд гостевых номеров, связывающих южную галерею и церковь. Еще она построила четыре коттеджа для персонала, которые стоят полукругом на мысе примерно в сотне ярдов от главного корпуса. Она назвала их в честь четырех евангелистов. Я живу в самом южном, имени Святого Матфея. В том, который носит имя Святого Марка, живет Руби Пилбим, кухарка и горничная, со своим мужем, разнорабочим. Мистер Грегори обосновался в Святом Луке, а в самом северном, который носит имя Святого Иоанна, живет Эрик Сертис. Он помогает мистери Пилбиму. Эрик держит свиней, но больше как хобби, а не для того, чтобы поставлять мясо для колледжа. Нас

всего четверо, хотя есть еще уборщицы из Рейдона и Лоустофта, которые работают неполный день. Впрочем, в колледже обычно учится не больше двадцати студентов, ожидающих рукоположения, и проживает всего четыре священника, так что мы справляемся.

Найти нам замену непросто. Как правило, люди считают этот открытый ветрам заброшенный мыс, на котором нет ни деревни, ни бара, ни магазина, слишком глухим местом. А мне нравится, хотя, даже на мой взгляд, здесь мрачновато. Год за годом море разрушает песчаные склоны. Иногда я стою на краешке, вглядываясь в море, и будто вижу, как огромная волна, белая и сверкающая, в бешенстве устремляется к берегу, чтобы, обрушившись на башни и пристройки, на церковь и дома, всех нас смыть. Вот деревушка, что стояла на озере Балларда, уже не первый век покоится на дне морском. Рассказывают, что ветреными ночами иногда можно услышать слабый звук церковных колоколов с погребенных под слоем воды башен. А то, что не забрало море, погибло при великом пожаре 1695 года. От старой деревни не осталось почти ничего, только средневековая церковь, которую мисс Арбетнот восстановила и сделала частью колледжа. А еще два полуразрушенных столба из красного кирпича перед главным корпусом — единственное, что уцелело от особняка времен Елизаветы I, который стоял на этом месте. Но лучше я расскажу про Рональда Тривза, погибшего мальчика. В конце концов, именно о его смерти дальше и пойдет речь.

Еще до начала следствия полиция интересовалась, насколько хорошо мы были знакомы. Подозреваю, что я знала его лучше, чем остальной персонал, но распространяться не стала. Да и рассказать могла немного. Решила, что негоже сплетничать про студентов. Мальчика тут не особо любили, но я предпочла об этом умолчать. Проблема в том, что он здесь не вписался и, по-моему, об этом знал.

Его отец — сэр Элред Тривз — руководит крупной компанией, производящей оружие. Рональд кичился, что он сын очень богатого человека. Это подчеркивали и вещи, которыми он владел. Он ездил на «порше», в то время как другие студенты довольствовались машинами подешевле или ходили пешком. Постоянно рассказывал, как отдыхал на дорогих курортах и в дальних краях, куда другие студенты не могли позволить себе съездить, по крайней мере не на каникулы. В некоторых колледжах это обеспечило бы ему популярность, но не здесь. Все мы немного снобы: кто-то в одном, кто-то в другом. Не верьте, если говорят, что это не так. Но у нас деньги не имеют большого значения. Семья тоже не столь важна, хотя все-таки лучше быть сыном викария, нежели отпрыском поп-звезды. Думаю, что священники больше обращают внимание на интеллект. Нужны мозги, привлекательная внешность и остроумие. Здесь нравятся люди, которые могут рассмешить. А Рональд был не так умен, как полагал, и никогда не смешил людей. Его считали занудой, а, осознав это, он, естественно, стал еще более занудным. Полиции я ничего не рассказала. Зачем? Мальчик мертв. К тому же он любил совать нос не в свои дела, всегда хотел знать, что происходит вокруг, все время что-то выпрашивал. Сама я многого не говорила. А Рональд иногда вечерами заглядывал ко мне, сидел и болтал, пока я вязала и слушала.

Студенты обычно заходят в коттеджи персонала только по приглашению. Отец Себастьян считает, что у нас должна быть личная жизнь. Но когда забегал Рональд, я не возражала. Оглядываясь назад, я понимаю, что он был одинок, иначе не тратил бы на меня время. И вспоминала моего Чарли. Тот не был ни занудным, ни скучным, не страдал от недостатка внимания. Но мне хочется верить, что если ему становилось одиноко, рядом появлялся тот, кто готов его выслушать. Как я слушала Рональда. Когда приехала полиция, они спрашивали, почему я пошла

искать его на пляж. Но я Рональда не искала. Раза два в неделю я гуляю одна после обеда, и, выходя из дому в тот день, понятия не имела, что Рональд пропал. И на пляже я бы не стала искать. Сложно представить, что может случиться на безлюдном берегу. Там довольно безопасно, если не лазать на волнорезы и не подходить слишком близко к обрыву. Но повсюду висят таблички с предупреждением. А приезжих сразу просят не плавать в одиночку и не приближаться к опасным склонам.

При жизни мисс Арбетноот можно было спуститься на пляж прямо от колледжа, но море — молчаливый захватчик — изменило и это. Теперь приходится идти пешком примерно полмили на юг к единственному месту, где утесы невысоки и достаточно прочны, чтобы выдержать полдюжины шатких деревянных ступенек и перила.

Дальше темнеется окруженное деревьями озеро Балларда, его отделяет от моря лишь полоса гальки. Иногда я просто дохожу до озера, а потом возвращаюсь обратно, но в тот день я спустилась по ступенькам к морю и пошла на север. Ночью шел дождь, и день выдался свежий, радостный, по синему небу неслись облака, был высокий прилив. Я обошла небольшой выступ и увидела простирающийся передо мной пустынный берег с бороздками гальки и темные очертания старых, покрытых водорослями волнорезов, обваливающихся прямо в море. Потом ярдах в тридцати впереди я увидела что-то похожее на черный пакет, который лежал у подножия скалы. Я поспешила к нему и нашла аккуратно свернутую сутану, а рядом, тоже тщательно сложенный, коричневый плащ. Примерно в нескольких футах ополз и обрушился утес, на пляже лежали большие глыбы песчаника, пучки травы и камни. Я сразу поняла, что произошло.

Кажется, я вскрикнула и стала копать, догадываясь, что тело погребено где-то под слоем песка, но не понимая, где именно. Помню, как плотный песок забивался под ног-

ти и как медленно продвигалось дело. Я стала неистово разбрасывать песок, словно в ярости, а он разлетался, больно бил по лицу и засыпал глаза. Ярдах в тридцати к морю я заметила острую деревяшку, сходила за ней и начала тыкать в землю. Через несколько минут она уперлась во что-то мягкое. Я встала на колени, снова начала копать руками, а потом увидела, во что попала палка. В чьи-то ягодицы, все в песке, в вельветовых брюках желтовато-коричневого цвета. После этого я продолжать уже не смогла. Сердце колотилось как бешеное, и сил не осталось. Возникло смутное ощущение, будто я оскорбила того, кто лежал здесь, а в этих откопанных холмиках было нечто нелепое и одновременно неприличное. Я понимала: человек мертв и спешка уже не имеет никакого значения. Я не могла его спасти, не могла раскапывать его одна, дюйм за дюймом, даже если бы хватало сил. Нужно было позвать на помощь, сообщить ужасные новости. Наверное, я уже тогда поняла, чей это труп. А потом вспомнила, что на коричневых плащах студентов есть нашивки, и, отвернув ворот плаща, прочитала имя.

Помню, как шла, спотыкаясь, по пляжу, по утоптанному песку между кучками гальки, каким-то образом втащила себя по ступенькам на вершину утеса и побежала по дороге к колледжу. Казалось, дорога никогда не закончится, хотя до колледжа было только полмили; с каждым мучительным шагом он лишь отдалялся. Сердце вырывалось из груди, а в ногах будто исчезли все кости.

Вскоре я увидела, как автомобиль сворачивает с подъездной дороги и по неровной колее, проходящей по краю утеса, направляется ко мне. Я замахала руками, и машина затормозила. Это был мистер Грегори.

Не знаю, как я ему все сказала. Перед глазами крутится картинка: я стою там, вся в песке, волосы развеваются на ветру, и показываю на море. Он молча от-

крыл дверь, и я села в машину. Разумнее было отправиться к колледжу, но вместо этого мистер Грегори развернул автомобиль, и мы вылезли возле лестницы, ведущей к пляжу. Позже я размышляла, то ли он мне не поверил, то ли хотел увидеть все своими глазами перед тем, как звать на помощь. Не помню, как шли, а последнее, что всплывает в памяти, — мы вдвоем стоим возле тела Рональда.

Все так же без единого слова мистер Грегори опустился на колени и стал рыть песок руками. На нем были кожаные перчатки, что облегчило ему задачу. Мы оба работали молча, лихорадочно разгребая песок, пока не отвоевали верхнюю часть тела. Кроме вельветовых брюк, на Рональде была только серая рубашка. Мы откопали затылок, который был похож на какое-то животное: мертвую собаку или кошку. Влажный на глубине песок забился в соломенные волосы. Я попыталась их отряхнуть и почувствовала, какими холодными и грязными стали ладони.

— Не трогайте его! — резко одернул мистер Грегори.

Я быстро, словно обжегшись, убрала руку, а он очень тихо произнес:

— Лучше оставить все как есть. И так понятно, кто это.

Я понимала, что мальчик мертв, но почему-то подумала, что его нужно перевернуть. В голову пришла нелепая мысль — сделать искусственное дыхание «изо рта в рот». И хотя я осознавала несуразность своего порыва, меня не покидало чувство, что нужно что-то предпринять. Мистер Грегори, сняв левую перчатку, приложил два пальца к шее Рональда.

— Мертв, — констатировал он. — Мы ничего не можем сделать.

Мы молча стояли около него на коленях. Казалось, что мы молимся... и я бы помолилась, только нужные